

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-98-116

А.В. СарабьевИнститут востоковедения РАН,
107031 г. Москва, Российская Федерация**Высокая миссия в Сирии и Ливане.
Россия и левантийские православные
(по донесениям генконсула в Бейруте
Г.Д. Батюшкова)**

Анализ положения паствы Антиохийского патриархата Православной церкви в сирийских и ливанских областях Османской империи предлагается сквозь призму оценок российского генконсула в Бейруте. Большинство документов относится к 1912 г., когда напряженность социальных отношений в регионе достигла высшего накала в условиях Итало-турецкой (октябрь 1911 – октябрь 1912 гг.) и Первой Балканской войн (сентябрь 1912 – май 1913 гг.), во многом разделивших общественное мнение. Документы позволяют воссоздать правдивую картину столкновения интересов европейских держав в арабских вилайетах, их методы опоры на различные конфессиональные группы. Религиозные институты активно использовались в межпартийной борьбе на уровне центральных османских органов управления, и православный клир не представлял исключения. Сиро-ливанские православные находились в центре внимания России как единоверцы, а следовательно, наиболее расположенная к российскому влиянию социальная группа. Российские дипломаты пристально следили за набиравшим силу межконфессиональным противостоянием в условиях кризиса международной ситуации. Материальная помощь из России, российские

образовательные и медицинские учреждения продолжали действовать в арабских вилайетах империи. Продолжение политики «мягкой силы» могло бы позволить России добиться гораздо больших успехов в противодействии европейским колониальным формам в виде международных «мандатов» на страны Ближнего Востока в последующий период.

Ключевые слова: Сирия, Ливан, православные, российская дипломатия, Итало-турецкая война, Первая Балканская война, Османская империя, младотурки

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сарабьев А.В. Высокая миссия в Сирии и Ливане. Россия и левантийские православные (по донесениям генконсула в Бейруте Г.Д. Батышкова) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. № 1. С. 98–116. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-98-116

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-98-116

A. Sarabiev

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 107031, Russian Federation

High mission in Syria and Lebanon. Russia and the Levantine Orthodox (according to the reports of the Consul General in Beirut, Georgy D. Batyushkov)

The analysis of the position of the flock of the Antiochian Patriarchate of the Orthodox Church in the Syrian and Lebanese regions of the Ottoman Empire is presented through the prism of assessments of the Russian consul general in Beirut. Most of the documents relate to 1912, when the tension of social relations in the region reached its highest level in the conditions of the Italo-Turkish (October 1911 – October 1912) and the First Balkan Wars (September 1912 – May 1913), which largely divided the social opinion. The documents allow to recreate the true picture of the clash of interests of the European powers

in the Arab provinces, their methods of relying on different confessional groups. Religious institutions in those years were actively used in the inter-party struggle at the level of the central Ottoman government, and the Orthodox clergy was not an exception. The Syro-Lebanese Orthodox were in the center of attention from Russia as co-religionists and, as a result, the most social group located to Russian influence. Material assistance from Russia, our educational and medical institutions continued to operate in the Arab vilayets of the empire, and if this kind of support for the Orthodox Levant were continued, Russia would have achieved much greater success in countering European colonial forms in the form of international "mandates" to the Middle East subsequent period.

Key words: Syria, Lebanon, Orthodox, Russian diplomacy, Italo-Turkish war, Balkan war, Ottoman empire, Young Turks

FOR CITATION: Sarabiev A. High mission in Syria and Lebanon. Russia and the Levantine Orthodox (according to the reports of the Consul General in Beirut, Georgy D. Batyushkov). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. No. 1. Pp. 98–116. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-98-116

Авторитет России, самой обширной державы в мире, нередко обязывал российскую дипломатию выходить за рамки страны-покровительницы только для православных и во многом брать на себя третейские функции в улаживании межконфессиональных противоречий на Ближнем Востоке. Взвешенная позиция в целом характеризовала российскую внешнюю политику в этом регионе и в имперский период.

Между тем важно подчеркнуть, что ошутимого российского «культурного проникновения» на территории Сирии и Горного Ливана – по крайней мере до распространения на них в 1890-е гг. деятельности Императорского православного Палестинского общества (ИППО) – не было. Всерьез говорить о «российском присутствии» в регионе не приходится: это лишь стереотип, сформировавшийся в основном по аналогии с мощной политической поддержкой, миссионерской деятельностью и целенаправленными образовательными и благотворительными проектами на Ближнем Востоке некоторых европейских держав.

Однако определенное внимание к сиро-ливанским православным со стороны российских властей сохранялось. В разные годы поддержка русскими своих единоверцев-арабов весьма различалась, временами усиливаясь (как, например, после трагических событий 1860 г.), а порой снижаясь до минимума. Тем не менее общий стереотип царившего тогда религиозного протекционизма довлел и над российской политикой.

Например, арабский историк Никула Зияде трактовал Крымскую войну 1853–1856 гг. следующим образом: «Основанием для войны послужило распространение российского [влияния] на Балканах, настойчивость в защите некоторых святых мест в Палестине, наряду с защитой православных. Ведь отсюда естественным образом следовало стремление остановить продвижение российского православного влияния прежде, чем оно усилится в районах проживания больших православных общин, а заодно и затруднить миссионерскую деятельность» [24, с. 246]. То есть роль русских в решении ближневосточных вопросов и тогдашние европейские политики, и многие нынешние историки определяли исходя из соответствующих «особых интересов» европейских стран в регионе, втягивая в эту парадигму и российскую внешнеполитическую стратегию.

На протяжении всей Новой истории российские власти стремились не упускать из внимания судьбу православных на территориях Палестины, Сирии и Ливана. Следуя традиционной для европейцев опоре на определенные конфессиональные общины, очевидно, предполагалось, что русские будут продолжать поддерживать православных арабов как единоверных большинству населения Российской империи.

Установить истинное положение дел помогает обращение к документам, в том числе более чем вековой давности, годов, непосредственно предшествовавших Первой мировой войне. Анализ деятельности российских дипломатов тех лет представляет интерес ввиду широты затронутых в дипломатической переписке тем, в числе которых было и участие в судьбе палестинских и сиро-ливанских православных – своего рода мониторинг положения этой многочисленной общины. Вопрос, нуждающийся в прояснении, может заключаться в следующих его составляющих. В какой степени в документах тех лет выявляется утилитарный подход России к протекции по отношению к православным арабам? Проглядывает ли за детальным отслеживанием местной межконфессиональной ситуации российскими дипломатами на местах некая общая государственная стратегия экспансии по примеру полуколониального влияния «классических» ближневосточных патронов – Англии и Франции? Насколько в дипломатической переписке отразилось желание Российской империи угнаться за европейскими соперниками, более расчетливыми и удачливыми в этом регионе?

Все приводимые ниже сведения почерпнуты из одного внушительно по объему (575 листов) дела Архива внешней политики Российской империи (Ф. 151 [Политархив]. Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413; донесения в I Департамент МИД в большинстве своем дублировали донесения в российское посольство в Стамбуле).

Выбор года – «хронологического среза» из жизни сиро-ливанских православных – обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, полнота сведений дипломатических донесений, собранных в деле, позволяет осветить тему во многих ее аспектах: внутренние отношения, церковные дела, проблемы политического участия, эмиграция, внешнее влияние и др. Во-вторых, тревожное время окончательного утверждения у власти младотурок и острая межпартийная борьба во всех крупных городах империи усугубились Итало-турецкой войной, и на февраль 1912 г. выпала поразившая левантийцев и вошедшая в историю «бомбардировка» Бейрута – обстрел с итальянских кораблей, стоявших на бейрутском рейде, турецких судов, порта и самого города. В-третьих, в тот же год активно обсуждались изменения в Органический статут автономного Горного Ливана, предлагаемые державами-гарантами с целью более эффективной защиты ливанских христиан. Наконец, в-четвертых, на фоне этих событий стало усиливаться напряжение отношений мусульман и христиан, что воскрешало в памяти события полувекковой давности – резню христиан в Дамаске и Алеппо и кровавые межобщинные столкновения в Горном Ливане в 1860 г. Таким образом, 1912 г. стал показательным в отношении православных сирийских и ливанских областей Османской империи. Анализ событий этого года на основе первоисточников может способствовать более глубокому пониманию положения вообще ближневосточных христиан накануне Первой мировой войны и пика геноцида малоазийских христианских общин (армян, ассирийцев, сирийцев) в 1915 г.

В нашем случае стержневым аспектом является участие в судьбе христиан Шама (Леванта) Российской империи, под особым покровительством которой находились православные. Важная роль в этом деле отводилась дипломатическим миссиям. Возглавлял тогда Российское Императорское генеральное консульство в Сирии (г. Бейрут¹) статский советник Г.Д. Батюшков (1866–1923), знаток арабского и персидского языков.

Разные районы Османской империи (или, как теперь принято говорить, субрегионы) уже несколько десятилетий являлись сферой стратегической конкуренции Германии, Франции и Британии. Сирийские территории, Горный Ливан и некоторые районы Юго-Восточной

---

¹ Будущая столица Ливана была тогда главным городом Бейрутского вилайета Османской империи и условно входила в число сирийских районов. Собственно ливанцами называли лишь жителей Горного Ливана (Джебель Любнан) – территории под особым контролем шести держав-гарантов (Франции, Великобритании, России, Австрии, Пруссии и Османской империи) на основании Органического статута, составленного после «христианской резни» 1860 г. и европейского вмешательства 1861 г.

Анатолии в первом десятилетии XX в. оказались в зоне активности Франции [28, с. 15]. Это обстоятельство побуждало российское генконсульство в Бейруте внимательно следить за ситуацией в регионе в целом и в частности за судьбой местных православных. Батюшков докладывал послу в Стамбуле о повышенном внимании французской дипломатии к арабским вилайетам: «Остается несомненным, что Франция усиленно интересуется распространением своего влияния в Сирии, чему здешний генеральный консул Куже помогает со столь же большим усердием, как и пониманием положения» [16, л. 80а, 80б об.]. Весьма активен был и британский генконсул Г.А. Камбербэтч.

Развитие межконфессиональной ситуации в ближневосточных обществах шло тогда в условиях Итало-турецкой (октябрь 1911 – октябрь 1912 гг.) и Первой Балканской войн (сентябрь 1912 – май 1913 гг.). В интересах России было не упустить дела региона за бурными событиями в Европе и Средиземноморье. Обе эти войны прямо и косвенно затрагивали арабские области Османской империи. С моря, вдоль побережья Восточного Средиземноморья, нависала угроза со стороны итальянских военных кораблей. Левантийское население в условиях войны испытывало на себе тяжесть мобилизации резервистов (так называемого *редифа*) при чрезвычайной скудости ресурсов. По сути, арабы Шама рисковали быть отправленными на передовую в войне с балканскими христианами. Арабские христиане, в свою очередь, еще с 1911 г. стали попадать под призыв в действующую армию (хотя до того времени существовал запрет на службу в армии для всех христиан империи). Наряду с повальным уклонением от призыва вообще арабов, которым была чужда необходимость воевать с балканцами, арабы-христиане как единоверцы воюющих с Османской империей христианских народов Европы особенно стали подозреваться в сочувствии врагу.

С нарастанием военной напряженности ситуация достигла масштабов поголовного призыва. Так, российскому генконсулу даже пришлось вмешаться, чтобы урегулировать с триполийским губернатором Абдулкарим-беом вопрос о призыве учителей школ ИППО, которые иным способом не могли получить освобождения от него в этом вилайете. «Почему-то начальник местных войск Халиль-паша настаивает на призыве к отбыванию воинской повинности даже тех учителей, которые представляют явленные в Бейрутском маарифате свидетельства об окончании учительских школ Общества. Придется прибегнуть, – писал Батюшков, – к Дамасскому консульству с просьбой воздействовать на мушира в желательном для нас смысле» [11, л. 14]. Конечно же, этот неслыханный дотоле шаг младотурецкого правительства – призыв в армию в условиях войны с христианскими народами Европы и арабов-мусульман,

и арабов-христиан – не мог не сказаться на межрелигиозных отношениях, которые стали постепенно обостряться.

Что касается численности православной паствы, то в рукописной рабочей записи Батюшкова находим следующие сведения о населении Горного Ливана: «Марониты – 230 т[ысяч]. Православные – 52 т. Мельхиты – 30 т. Друзы – 47 т. Шииты – 23 т. Сунниты – 14 т.» [21, л. 319]², т.е. православные в количественном отношении уступали маронитам в 4,4 раза. По другим данным, куда включены, очевидно, и города с большой долей православного населения, это соотношение составляло всего 2,4 (305/125,2 тыс. на 1914 г.) [28, с. 114]. В самом же Бейруте православные по численности и вовсе превосходили маронитов: 38/31 тыс. на 1914 г. [Там же]. В процентном отношении (по другим данным) это выглядело как 23/21% на 1912 г. [27, с. 131]. По Бейрутскому вилайету долю православных оценивали в 13,5% [19, с. 11]. В Дамаске доля православных – самой крупной христианской общины – составляла 13% [20, с. 81], а по Сирийскому вилайету – 14,45% [Там же, с. 5]. Были данные и по другим районам: например, генконсул в донесении приводит результаты переписи в Аданском вилайете: «В Аданском вилайете православных 19 560, яковитов 1560, армян всего 61,6 тыс. – из всего 516 тыс. чел. (429,5 мусульман)» [2, л. 44 об.].

Как известно, при поддержке российской дипломатии на Антиохийский престол в 1899 г. впервые был избран патриарх не греческой, а арабской национальности – Мелетий II Думани, и арабы хранят об этом событии благодарную память. Постоянные контакты поддерживались и с избранным в 1906 г. следующим патриархом Григорием IV Хаддадом. Отдавая должное его личным достоинствам («недюжинный ум и нравственные качества»), российский генконсул, правда, довольно критически отзывался о деятельности этого патриарха. Имея постоянную резиденцию в Дамаске, патриарх в марте имел «продолжительное пребывание в Бейруте», о чем Батюшков писал: «Оно не дало, однако, какого-либо толчка для усовершенствования внутренней жизни общины. <...> Ни на занятиях в школах, ни на собраниях благотворительных обществ, Его Блаженство не присутствовал и ничем иным, кроме вышеупомянутых денежных пожертвований, не проявил участия к интересам бейрутской паствы» [4, л. 56, 57].

Бейрутской православной общине того времени генконсул Батюшков давал развернутую и нелицеприятную характеристику: «Надо сказать, что православная община в Бейруте, считающая в числе своих членов

² На следующей странице этой рабочей записи автором надписано: «Францией проявляется большая нетерпимость к другим иноверным исповеданиям».

первых жителей этого города, наиболее образованных, имевших возможность благодаря своему богатству побывать в Европе и Египте и, следовательно, несколько воспитать себя, составляющих, наконец, “le monde” Бейрута, не отличается не только фанатизмом, что было бы лишь похвально, и усердием в делах религии. Большинство этих лиц, учившихся в инославных школах – католических и протестантских, не посещает никакой церкви, привыкнув в детстве бывать в инославных храмах при школах и потому отвыкших от хождения на православное богослужение, кроме разве в самые большие праздники. Кроме такого индифферентизма, община отличается и раздорами, которые начинаются нередко от таких пустышных причин, что трудно верить, чтобы не было более существенных оснований к взаимной вражде, однако все эти поводы немедленно возбуждают чувствительное до крайности самолюбие и заинтересованные лица стараются нанести друг другу материальный ущерб, что порождает бесчисленные и совершенно неосновательные имущественные процессы» [4, л. 56 об.].

Среди бейрутских православных было достаточно состоятельных лиц, которым автор донесения ставит в упрек их нежелание поддерживать единоверцев. «Наконец, кроме, быть может, 3–4 лиц, все эти богачи ничего не делают для пользы своей общины и нуждающихся членов ее [ссылка в документе: “Счастливое исключение составляют наш почетный драгоман – Юсуф Сюрсок – обладатель нескольких миллионов франков – и его племянник, значительно менее богатый, также почетный драгоман Г[енерального] К[онсуль]ства – Михаил Сюрсок, да разве Неджиб Трад и весьма немного других”], уклоняются от всякого труда или хлопот ради своих собратий и весьма неохотно расстаются с самой скромной суммой, ища возможности использовать ее несколько раз. Ничего со стороны Патриарха не было сделано, чтобы смягчить эти недостатки своей паствы. Бл. Григорий ограничивался тем, что вносил свою лепту в разные благотворительные учреждения, что было ему нелегко, ибо сам он не собирал здесь обильной жатвы, и лишь перед отъездом Его Блаженства с большим трудом собрали ему до 8–10 тыс. фр[анков], несмотря на полное уважение и к Его Блаженству, и признанию его искренне верующим и во всех отношениях достойным иерархом» [Там же, л. 56 об. – 57].

Среди сиро-ливанских сельских районов почти поголовно православным и до сих пор можно считать уезд (*каза*) Куру. Эта каза находилась «под специальным наблюдением» нашего генконсульства. По всему уезду во множестве имелись и сохраняются до сих пор старинные храмы и монастыри. Правда, уже в начале XX в. там наблюдалось сильное влияние протестантов, а английский язык был для православных

предпочтительнее, нежели французский. Отчасти последнее являлось скорее следствием развитых связей православных с диаспорой в США и обучения в школах протестантских миссий. Как писал Батюшков, с православными этого района «ищут [возможности] сблизиться в особенности протестантские миссии, которые и без того имеют сильное распространение в Куре, где говорят по-английски не только вернувшиеся из Америки, но и многочисленнейшие ученики и ученицы американских школ, как местных, так и триполийских и др. – на Ливане и даже в Бейруте» [11, л. 12 об.].

Генконсул подчеркивал второстепенность для пронизанной католическим влиянием администрации Горного Ливана этой православной области. Продолжая свои наблюдения, он сообщал: «У маронитского в подавляющем большинстве управления Ливана и [генерал-губернатора] Юсуфа-паши православная Кура является своего рода пасынком, и куриотам чрезвычайно трудно добиваться, не обращаясь к помощи Генерального Консульства, малейшего расхода на улучшение в казе или удовлетворения какой-либо потребности населения...» [Там же, л. 15].

Что же касается отношения сиро-ливанских православных к России, то автор подчеркивал в своем донесении их удивительное предпочтение местным властям российского диппредставительства в разрешении любых жизненных затруднений. Интересно, что полтора десятилетиями ранее то же самое отмечал в своих письмах и А.Е. Крымский. В 1890-х гг. он писал из Горного Ливана, что во многих домах на стенах висели портреты российского императора и многие православные были убеждены, что они – подданные России [18, с. 174]³.

Российскому генконсулу не раз приходилось быть свидетелем «восторга и энтузиазма» населения. Например, люди были рады политическому воздействию российского генконсульства и посольства на Порту, результатом которого стало избрание каимакамом (наместником) православного из Куры: «Неизменно было выражение благодарности за содействие к назначению каимакамом лица, происходящего из самой Куры и принимающего посему интересы округа близко к сердцу, отстаивающего их в административных сферах» [11, л. 14 об.].

На дипломатическое представительство России в Бейруте – головное для консульств в Дамаске и Алеппо, вице-консульств в Триполи, Яффе и Хайфе, консульских агентств в Латакии и других городах – возлагались особые надежды православных Сирии и Горного Ливана. Через бейрутское генконсульство проходили и денежная помощь Антиохийской

³ Письма 1896–1898 гг. впервые были изданы лишь в 1975 г., и, вероятнее всего, их содержание было неизвестно Г.Д. Батюшкову.

церкви, и политическая поддержка православного населения: «Ради удовлетворения своих нужд... куриоты обращаются исключительно в Российское Генеральное Консульство, совершенно не признавая других властей... что заставляет Генеральное Консульство с тем большим вниманием относиться к разного рода представительствам куриотов, которые, надо надеяться, на некоторое время по крайней мере будут спокойны, добившись давно желанного назначения своего земляка во главе уезда» [11, л. 15].

Большинство православных арабов ориентировались на своего покровителя – Россию (как, собственно, и наоборот). Правда, на тот момент их интересы отчасти совпадали и с британскими. Впрочем, это не был тактический союз: скорее уж в своих симпатиях к англичанам православные выбирали прежде всего те силы, которые противостояли французскому влиянию и, конечно, экспансивности своих сограждан-маронитов. Так, российский генконсул рапортовал даже об «антифранцузском течении с англофильским оттенком», о вызванном неудачной для турок войной «знаменательном и симптоматическом» настроении: «Подчеркнув существующее уже давно несимпатичное к туркам отношение арабов-христиан и даже мусульман, оно выдвинуло особенную антипатию самых различных элементов против Франции, и в этом чувстве сливаются с мусульманами и друзы, и православные, даже молодежь из маронитов, прожившая в Египте или в Америке и др. цивилизованных странах, преимущественно под британским покровительством, и, пораженные благоустройством этих стран, особенно по сравнению с Турцией, жаждут разделить блага этого режима» [14, л. 150а – 150а об.].

В соответствии с развитием региональной ситуации на первый план для европейских дипломатов в Сирии стали выходить межконфессиональные отношения, накалявшиеся под влиянием внешних обстоятельств. На их обострение в арабских провинциях подействовали восстания в Румелии летом 1912 г., затем начатые 8 октября Черногорией военные действия против османских войск, а с 18 октября – развязанная коалицией балканских областей империи настоящая война.

Отношения накалялись, и основной причиной этого стало предательство, как считали сторонники османизма, балканских народов, выступивших против своего халифата: в ноябре албанское восстание закончилось провозглашением независимости, а в декабре Порты была вынуждена начать мирные переговоры уже с Болгарией. В различных кругах арабской общественности события виделись сквозь призму мусульмано-христианского соперничества. И напряженность в отношениях с мусульманами, и военные сборы резервистов-христиан стали причиной бегства христиан в Горный Ливан под защиту удаленных монастырей, а также мощной волны внешней эмиграции.

Спустя несколько дней после начала Балканской войны, Батюшков писал: «Надо признать, что роль духовных глав населения немусульманского ныне нелегка: имея своими противниками всех христиан, мусульмане стараются дать почувствовать иноверцам, что они все же господа у себя, и в то же время подозревают каждого христианина в сочувствии врагам и отсутствии патриотизма. Нельзя, разумеется, отрицать, что христиане без всякого энтузиазма раскошеливались для взноса выкупа за воинскую повинность... В ряды войск шли и мусульмане неохотно, иноверцы же бежали массами. <...> Бегство в Америку и другие страны, составляющее здесь обычное явление, вызывается главным образом отсутствием обеспеченности прав и имущества» [12, л. 146–146 об.].

Генконсул описывает эпизод, характеризующий напряженность и нервозность, царившие в связи с войной в кругах ливанской элиты, включавшей богатые христианские дома: «Супруга генерал-губернатора, м[ада]м Эхдем-бей, образованная, воспитанная турчанка, хотела было обрушиться на местных дам-богачек, преимущественно православных, которые недостаточно поспешно откликнулись на ее зов, и стала уверять их в отсутствии патриотизма и сочувствии своим единоверцам – врагам отечества...» [Там же, л. 147].

Среди населения все глубже пролегла линия, разделявшая тех, кто оставался патриотом Османского халифата, видя основу его единства в исламе, с одной стороны, и тех, кто надеялся на либерализацию национальной и религиозной политики Порты под нажимом событий в европейских вилайетах, – с другой. «Настроение мусульман подавленное, – писал Батюшков, – христиане же, не решаясь очень показывать это, торжествуют, надеясь, что победа балканских государств отразится благоприятно на положении их в Турции» [Там же, л. 147 об.]. В конце октября он сообщал уже о волнениях среди бейрутских мусульман, спровоцированных настроениями среди христиан: «Нельзя отрицать существование брожения среди местных мусульман, собирающихся в своем квартале Баста, где они горячо обсуждают текущие события и решают в случае тех или иных известий с театра войны, “двинуться” (куда – неизвестно), и эта-то неизвестность и пугает христиан. С другой стороны, христиане, особенно православные, не скрывают своего сочувствия победам своих единоверцев, чем страсти далеко не успокаиваются» [13, л. 148 об.–149]. Генконсул сообщал и о провокативном поведении некоторых предводителей христиан, в частности членов французского диппредставительства – драгомана Михаила Туэйни (православного) и некоего маронита Жмайеля (о каком из представителей этого знатного рода шла речь, установить не удалось). Они якобы громко выражали свою готовность дать отпор мусульманам в случае

беспорядков. О нежелательности таких провокаций Батюшков даже уведомил своего французского коллегу [14, л. 150г–150г об.].

Причина раздражения левантийских мусульман была в общем очевидной: в условиях нарастающего давления европейских государств на Порту и даже прямых военных действий против османских провинций многие мусульмане выражали солидарность с действиями своего султана и правительства против балканских христиан-«бунтовщиков» и тех своих соотечественников, кто пользовался поддержкой зарубежных христианских покровителей. Межрелигиозное напряжение нарастало. Советский востоковед, знаток событий в арабском Машрике на заре Первой мировой войны Л.Н. Котлов писал: «Против балканских врагов Порты выступали и многие политические деятели. Еще в канун войны с угрозами в адрес балканских государств и румелийских “мятежников” обрушился в своих стихах Маруф ар-Русафи. Ему вторил Абдалмухсин аль-Казыми, проклинавший измену румелийских подданных султана. Он призывал строить пирамиды из черепов “неверных” и славил “защитников веры”. В том же духе выступали Хейри аль-Хиндави, поэты-исламисты Абдаррахман аль-Банна, Мухаммад Хасан Абу-ль-Мухасин, Шекиб Арслан и многие другие» [17, с. 272–273].

Еще более беспокойными межконфессиональные отношения стали в следующем, 1913-м, году. Мусульман (а возможно, и православных) не могла не раздражать безнаказанная агрессия против империи-халифата католической Италии: Итало-турецкая, или Триполитанская, война окончилась в октябре 1912 г. позорными для империи соглашениями, предоставлявшими независимость Триполитании и Киренаике, причем фактически страны переходили под юрисдикцию итальянской короны. Наряду с этим множество католических миссий, образовательных учреждений – от школ до университетов, больницы, приюты для детей-сирот и другие продолжали свою активную деятельность, вовлекая в нее все слои населения разных вероисповеданий. Такая социальная активность католиков была дополнительным раздражающим моментом для местных мусульман.

Итальянские военные суда продолжали курсировать в Восточном Средиземноморье, что привело к жертвам среди мирного населения и разрушениям в Бейруте в результате его обстрела, а затем попытались контролировать порт Триполи. В народе, как сообщал управляющий генконсульством В.В. Голенищев-Кутузов, царило «убеждение, что итальянская эскадра, наверное, посетит еще раз Бейрут» [8, л. 82 об.]. Впоследствии, действительно, так и случилось. Позднее Батюшков писал о заходе на сутки 15–16 августа 1912 г. в порт Бейрута итальянской эскадры, в том числе пяти крейсеров, которые отправились затем осматривать другие сирийские порты [10, л. 124–125 об.].

В свою очередь, ситуацию накаляли жесткие действия османской администрации в отношении своих же подданных-немусульман. Они демонстрировали явную неспособность (а для многих это звучало как преступное желание) ограничить в Сирии и Ливане непосредственное влияние на политику и экономику европейских держав-гарантов, державших под своей опекой местных арабских христиан. Наконец, противостояние армянских христиан Киликии и властей, посылавших на подавление бунтов регулярные армейские части, вело к усугублению подозрений части мусульман по отношению к христианам и разжигало межрелигиозную ненависть.

Об этих тревожных тенденциях писали и Батюшков, и его заместитель в Бейруте (опираясь, в частности, на доклад из Мерсины вице-консула А. Мавромати): «Несомненно, готовится какое-то движение. В противном случае необъяснимо запасание оружием, чем ежедневно занимаются мусульмане, и то отношение, при котором власти ничего не делают, чтобы прекратить эту тенденцию, и еще менее, чтобы предотвратить опасность, к которой может привести такое положение духа, особенно проникнутое фанатизмом против христиан вообще» [1, л. 81].

В описанных условиях обеспокоенность положением христиан в регионе, которую проявляли российские дипломаты, была в высшей степени оправданной. Особенное внимание к сиро-ливанским православным со стороны единой Российской империи было для тех ожидаемым, закономерным и, по мнению многих местных жителей, необходимым.

Другое дело, что внимание Министерства иностранных дел Российской империи было сосредоточено в те годы в значительной степени на Балканах и статусе проливов, тогда как восточные направления – столкновение интересов с Великобританией в Афганистане и, конечно, с Францией в Сирии и Ливане – как будто бы несколько отставали. Продуманная, основательная и поэтапная политика в отношении этих стратегически важных направлений (в том числе и с помощью «мягкой силы») зачастую уступала место безрассудным военным планам типа похода через Афганистан на Британскую Индию или оккупации областей вокруг проливов и на северо-востоке Малой Азии. В то же время, как явствует из документов, работа российских консулов в арабских областях, равно как и посольства Российской империи в Константинополе, велась на высоком уровне.

Конечно, можно согласиться с критическим взглядом, высказанным И.М. Смилянкой в отношении косности мышления внешнеполитического руководства царской России, словно не успевавшего следить за стремительными изменениями на Арабском Востоке: «Российское Министерство иностранных дел, – пишет она в недавно вышедшем

исследовании, – не имея четкой стратегической задачи, апеллировало в своей политике к “историческим традициям”, не замечая важных перемен, совершавшихся в османском обществе, появления в общественно-политической жизни второй половины XIX – начала XX в. новых социальных сил. Мимо внимания руководителей внешней политики прошло арабское возрождение и его деятели, а затем и идеологи и участники рождающегося национального движения. Между тем в процессе реформирования османского государственного аппарата роль духовенства в общественной жизни значительно снизилась» [22, с. 67].

Действуя в сирийских и ливанских областях по привычке – в значительной степени только через Антиохийскую православную иерархию, слабо контролируя поступающую туда материальную помощь, тогдашние российские политики не учитывали произошедших в сирийском социуме изменений, выведших на авансцену новое поколение, людей арабской Нахды (возрождения), настроенных на демократические преобразования и жадно впитывавших новые интеллектуальные достижения европейской культуры. Между тем арабы испытывали воодушевление возможностями, которые открывались перед ними с активизацией настоящей, как им казалось, политической жизни и явными элементами децентрализации при младотурках. Как пишет арабский историк Абдалла Ханна, ведущие сирийские политики вернулись в Сирию и успешно участвовали в выборах в парламент Османской империи (*Маджлис аль-маб’ус*), а затем и в сенат (*Маджлис аль-а’ян*). В 1913 г. в Париже прошла Первая Всеарабская конференция, возглавил которую Абдулхамид аз-Захрауи [27, с. 97–98].

Вместе с тем, благодаря деятельности российских дипломатов на местах, их пространной аналитике и пристальному вниманию не только к политическим перипетиям, но и к нуждам населения, в распоряжении правительства России имелись все необходимые средства. Покровительство сиро-ливанским православным было тогда лишь одним из направлений такого рода деятельности наших диппредставительств в арабских областях.

Как можно видеть из приведенных документов, поддержка левантских православных была довольно тактичной. Она не имела оттенка использования этой общины как агента влияния и не была частью особой экспансионистской «церковной политики» в условиях продолжавшегося межцерковного соперничества православных патриархатов. Во многом она отвечала ожиданиям самих православных верующих – сирийцев и ливанцев. Эта община ощущала на себе политическую и материальную поддержку со стороны Российской империи, которая была им очень кстати в обстановке конкуренции (причем далеко не всегда

честной) с другими общинами, например в сфере местного управления или образования. Возможно, если бы помощь по линии ИППО православным школам в Шаме не сворачивалась бы в начале второго десятилетия XX в.⁴, если бы нашлась возможность продолжить предоставлять образование сиро-ливанским клирикам и мирянам в русских и малороссийских духовных училищах и семинариях, если бы медицинские центры и пункты в арабских вилайетах Османской империи продолжали создаваться на российские средства, то вполне вероятно, что с такой подпиткой и в таких условиях миссия наших дипломатов в конечном итоге принесла бы на Ближнем Востоке куда более значимые плоды.

Итак, ответы на вопросы, поставленные в начале статьи, могут быть только отрицательными. В целом внешнюю политику Российской империи в те годы, безусловно, можно заподозрить в определенном экспансионистском настроении, продиктованном как стратегическими интересами, так и требованием расширять зону безопасности самых протяженных в мире государственных границ, особенно в условиях максимально обострившегося соперничества с мировыми колониальными державами. Однако в исследуемых дипломатических донесениях с мест – а это большой объем исторических документов за разные годы и из разных консульств и генконсульств на Ближнем Востоке – не удалось обнаружить и намек на какой-либо инструментальный подход наших дипломатов по отношению к православным общинам региона. Напротив, это российских дипломатов буквально атаковали разного рода просьбами о помощи, в том числе материального характера. Российские диппредставительства в большинстве случаев служили очагами, куда православные арабы обращались в первую очередь даже в своих частных нуждах.

Конечно, православной пастве оказывалась и политическая поддержка страны с несравнимо более многочисленным православным населением, поддержка мощной и влиятельной мировой державы, какой была Российская империя. Но в наибольшей степени усилия наших дипломатов были направлены на выявление тревожных симптомов в сфере межконфессиональных отношений и в конечном счете нацелены на поддержание общественной безопасности в арабских вилайетах.

В конкурентной борьбе с «классическими» метрополиями, считавшими и ближневосточные территории «зонами своих особых интересов», – Англией и Францией, а также Италией и Германией, как следует из исторических документов, Россия никогда не пыталась использовать

⁴ В то же время, как пишет ливанский профессор Масуд Дагер, французы вплоть до 1914 г. контролировали в Сирии и Ливане до половины всех школ и учащихся [25, с. 25].

в своих интересах фактор межконфессиональной розни, как бы далеко ни заходили порой европейские планы по разделу наследства «больного человека Европы» – слабевшей Османской империи.

Сохранившиеся в архивах документы той поры, в частности донесения и черновые записи генконсула Батюшкова, подводят к этим выводам и служат убедительным примером плодотворной работы российской дипломатии в трудное для восточной политики время – период нескольких войн, ставших прологом к Первой мировой войне.

Библиографический список / References

1. Доклад вице-консула А. Мавромати (копия) из Мерсины от 23 мая 1912 г., № 452 «Проблемы общественной безопасности» в Российское генконсульство в Бейруте (на фр. яз.) // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 80–81 об. [Report of Vice Consul A. Mavromati (copy) from Mersin May 23, 1912, No. 452 “Problems of Public Safety” to the Russian Consulate General in Beirut. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 80–81 reverse. (In French)*]
2. Донесение российского генконсула в Бейруте Г.Д. Батюшкова в I Департамент МИД, № 183 от 13 марта 1912 г. Приложение // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 42–44 об. [Report of the Russian Consul General in Beirut G.D. Batyushkov in the I Department of the Ministry of Foreign Affairs, No. 183 dated March 13, 1912. Attachment. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 42–44 reverse. (In Russ.)*]
3. Донесение № 207 от 20 марта 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 49–49 об. [Report No. 207 of March 20, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 49–49 reverse. (In Russ.)*]
4. Донесение № 212 от 22 марта 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи (Политархив). Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 56–59. [Report No. 212 of March 22, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 42–44 reverse. (In Russ.)*]
5. Донесение № 239 от 30 марта 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 50–55 об. [Report No. 239 of March 30, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 56–59. (In Russ.)*]
6. Донесение № 263 от 11 апреля 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 62–67. [Report No. 263 of April 11, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 62–67. (In Russ.)*]

7. Донесение № 282 от 18 апреля 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 75–76 об. [Report No. 282 of April 18, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 75–76 reverse. (In Russ.)]
8. Донесение № 371 от 16 июня 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 82–82 об. [Report No. 371 of June 16, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 82–82 reverse. (In Russ.)]
9. Донесение № 419 от 24 июля 1912 г. Приложение к № 419: Перевод статьи (на фр. язык) из местной газеты «Аль-Иттихад аль-усмани» от 18 июля 1912, № 1170 // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 97. [Report No. 419 of July 24, 1912. Appendix to No. 419: Translation of an article (in French) from the local newspaper Al-Ittihad al-Usmani of July 18, 1912, No. 1170. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheet 97. (In French)]
10. Донесение № 465 от 21 августа 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 124–126. [Report No. 465 of August 21, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 124–126. (In Russ.)]
11. Донесение № 57 от 18 января 1912 г. «Отчет о поездке генерального консула в Бейруте Г.Д. Батюшкова по округу Кура (Ливан)» // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 9–16. [Report No. 57 dated January 18, 1912. “Report on the trip of the consul general in Beirut Batyushkov in the Kura district (Lebanon)”. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 9–16. (In Russ.)]
12. Донесение № 596 от 26 октября 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 145–147 об. [Report No. 596 of October 26, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 145–147 reverse. (In Russ.)]
13. Донесение № 605 от 30 октября 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 148–149 об. [Report No. 605 of October 30, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 148–149 reverse. (In Russ.)]
14. Донесение № 619 от 6 ноября 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 150а – 150г об. [Report No. 619 of November 6, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 150a – 150g reverse. (In Russ.)]
15. Донесение № 78 от 31 января 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 17–20. [Report No. 78 of January 31, 1912. *Archive of the Foreign Policy*

- of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 17–20 reverse. (In Russ.)]
16. Донесение № 319 от 10 мая 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 80а – 80б об. [Report No. 319 of May 10, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 80a – 80b reverse. (In Russ.)]
  17. Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения в арабских странах Азии, 1908–1914 гг. / Отв. ред. Н.А. Иванов. М., 1986. [Kotlov L.N. *Stanovlenie natsionalno-osvoboditel'nogo dvizheniya v arabsskikh stranakh Azii, 1908–1914 gg.* [The formation of the national liberation movement in the Arab countries of Asia, 1908–1914]. N.A. Ivanov (ed.). Moscow, 1989.]
  18. Крымский А.Е. Письма из Ливана (1896–1898) / Сост. Н.П. Визирь, И.М. Смилянская; предисл. и послесл. И.М. Смилянской. М., 1975. [Krymskiy A.E. *Pisma iz Livana (1896–1898)* [Letters from Lebanon (1896–1898)]. N.P. Vizir, I.M. Smilyanskaya (compiled); I.M. Smilyanskaya (foreword and afterword). Moscow, 1975.]
  19. Кюине В. Сирия, Ливан и Палестина. Вып. 1. Бейрутский вилайет. СПб., 1900. [Kyune V. *Siriya, Livan i Palestina* [Syria, Lebanon and Palestine]. Vol. 1. Beirut province. St. Petersburg, 1900.]
  20. Кюине В. Сирия, Ливан и Палестина. Вып. 3. Сирийский вилайет. СПб., 1900. [Kyune V. *Siriya, Livan i Palestina* [Syria, Lebanon and Palestine]. Vol. 3. Syrian province. St. Petersburg, 1900.]
  21. Рабочая запись (от руки) российского генконсула в Бейруте Г.Д. Батюшкова, 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 319–319 об. [Working record (by hand) of the Russian Consul General in Beirut G.D. Batyushkov, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 42–44 reverse. (In Russ.)]
  22. Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М., 2015. [Smilyanskaya I.M., Gorbunova N.M., Yakushev M.M. *Siriya nakanune i v period Mladoturetskoy revolyutsii*. Po materialam konsul'skikh doneseniy [Syria on the eve of and during the period of the Young Turks revolution. Based on consular reports]. Moscow, 2015.]
  23. Fawaz L. (Leila Tarazi). *Merchants and Migrants in Nineteenth-Century Beirut*. Cambridge, 1983.
  24. Khalaf S. *Persistence and Change in 19th century Lebanon: A Sociological Essay*. Beirut, 1979.
  25. ضاغر, مسعود. تاريخ لبنان الاجتماعي. [Dagher M. *Tarikh Lubnan al-ijtima'i, 1914–1926* [Social History of Lebanon]. Beirut, Dar al Farabi, 1994. (In Arabic)]
  26. زياده, نيكولا. المسيحية والعرب. [Ziyade N. *Al-masihiya wa al-'arab* [Christianity and Arabs]. 2nd ed. Damascus, Qadmous, 2001. (In Arabic)]
  27. حنا, عبد الله. المجموعات الاهلي والمدني في الدولة العربية الحديثة. [Hanna A. *Al-majmu'at al-ahli wa al-madani fi al-dawla al-'arabiya al-haditha* [Popular and civil societies in a new Arab State]. Damascus, 2002. (In Arabic)]

28. 1946–1918 , شعيب, علي عبد المنعم. تاريخ لبنان من الاحتلال الى الجلاء , 1918–1946 [Shuaib A.A.-M. Tarikh Lubnan: min al-ihtilal ila al-jala' 1918–1946 [History of Lebanon: From occupation to evacuation, 1918–1946]. Beirut, 1994. (In Arabic)]

Статья поступила в редакцию 26.04.2019, принята к публикации 23.05.2019

The article was received on 26.04.2019, accepted for publication 23.05.2019

Об авторе / About the author

Алексей Викторович Сарабьев – кандидат исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва

Alexei V. Sarabiev – PhD in History; Leading Researcher of the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: alsaraby@ya.ru